

Чл.-кор. АН СССР Д. В. Бубрих

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПОДЛЕЖАЩО-СКАЗУЕМОСТНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1

В нашей речи главную роль играют двухконцентровые подлежащно-сказуемые предложения. Они содержат в себе концентр темы высказывания (концентр подлежащего) и концентр развертывания высказывания до завершения (концентр сказуемого).

Специфика подлежащно-сказуемого предложения ярче всего выражена в случаях, когда налицо и связь концентров подлежащего и сказуемого, и их противостояние друг другу при соответствующей их содержанию и отношению последовательности (сначала концентр подлежащего, потом концентр сказуемого), при соответствующей их содержанию и отношению интонации (выжидательное, почти вопросительное повышение голоса к концу концентра подлежащего в связи с некоторой паузой, завершительное понижение голоса к концу концентра сказуемого в связи со сказуемым «ударением»¹) и при соответствующем их содержанию и отношению грамматическом оборудовании. Пример: (*Отец... Что делает отец?*) *Отец—пашет*, почти: *Отец—пашет*.

Не всегда специфика подлежащно-сказуемого предложения выражена так ярко. В грамматическую форму подлежащно-сказуемого предложения часто вкладывается далеко не соответствующее ей содержание. А содержанию обычно верны последовательность слов и интонация.

Нельзя не обратить внимания на предложения вроде (*Пашут... Кто это пашет?*) *Пашет—отец*, почти: *Пашет?—отец*. По содержанию концентром подлежащего тут является *пашет*, а концентром сказуемого *отец*. Но с точки зрения формы в роли концентра подлежащего выступает *отец*, а в роли концентра сказуемого *пашет*. Последовательность слов остается верна содержанию. То же надо сказать об интонации. Если бы мы привели форму в соответствие с содержанием, мы сказали бы (*Пахота... Чья это пахота?*) *Пахота—отцовская*, почти: *Пахота?—отцовская*. Однако это вышло бы дубово. Кроме предложений вроде приведенного, есть и другие предложения со *смещенным* противостоянием концентров подлежащего и сказуемого.

Гораздо чаще встречаются предложения вроде (*Что это за гам?*) *Грачи прилетели* или *Прилетели грачи*. По содержанию тут концентров

¹ Мы охарактеризовали интонацию в повествовательных подлежащно-сказуемых предложениях. В вопросительных картина в некоторых отношениях иная.

подлежащего и сказуемого вовсе нет — их противостояние стерто. Но с точки зрения формы в роли концентра подлежащего выступает *грачи*, а в роли концентра сказуемого *прилетели*. Последовательность слов остается верна содержанию: противостояние концентров подлежащего и сказуемого стерто, и последовательность слов оказывается безразличной. Остается верна содержанию и интонация: противостояние концентров подлежащего и сказуемого стерто, и интонация оказывается интонацией одноконцентричного предложения. Кроме предложений вроде приведенного, есть и другие предложения со *стертым* противостоянием концентров подлежащего и сказуемого.

Предложения со стертым противостоянием концентров подлежащего и сказуемого, двухконцентричные только формально, а по существу одноконцентричные, создают почву для развития весьма своеобразных явлений. С одной стороны, возможным оказывается опущение концентра подлежащего, если в центре сказуемого есть достаточно ясные указания на него, или если он явствует из общей связи речи, или если он является семантически настолько неопределенным, что можно обойтись и без него. С другой стороны, возможной оказывается разработка некоторых типов бесподлежащих предложений, где концентр подлежащего и не ставится в задание. Не всегда легко отличить одно от другого. Скорее всего, в разных случаях и в разных языках дело складывалось по-разному. Так или иначе, а налицо целый ряд типов бесподлежащих предложений, начиная с опущенно-личных вроде *Иду домой* вместо *Я иду домой* и кончая неопределенно-личными вроде *Поют* и безличными вроде *Светает*.

Чтобы не было недоразумений, важно указать, что стирание противостояния концентров подлежащего и сказуемого надо рассматривать не как выражение регресса, падения, возвращения к до-подлежащно-сказуемостному прошлому, а как результат распространения подлежащно-сказуемостной формы предложения из сферы, где она оказалась нужна первоначально, в сферу, где она по сути дела не нужна до сих пор.

В дальнейшем мы будем держаться тех подлежащно-сказуемостных предложений, где их специфика выражена особенно ярко, т. е. подлежащно-сказуемостных предложений вроде *Отец — пашет*, почти: *Отец? — пашет*. В генетическом плане они интересны в первую очередь.

2

Подлежащно-сказуемостные предложения в нашей речи сплошь глагольные. Они являются глагольными и тогда, когда глагол имеет вспомогательный характер: как глагол в этом случае ни маловесен, но он ставит предложение под знак глагольных категорий времени и склонения. Они являются глагольными (не формально, а по существу) даже тогда, когда глагол отсутствует: отсутствие глагола ставит предложение под знак настоящего времени изъявительного склонения, т. е. под знак определенных глагольных категорий.

Пока мы возвращаемся в круг явлений тех языков, где происхождение глагола не поддается прослеживанию (а сюда относятся, в частности, индоевропейские языки, включая русский), может казаться, что глагольность является существенным признаком подлежащно-сказуемостного предложения и без глагольности подлежащно-сказуемостное предложение вообще невозможно.

Но это неверно. Есть языки, где происхождение глагола вполне прослеживается. Поскольку оно прослеживается, неизменно оказывается, что глагол — это в прошлом имя. Вместе с тем оказывается, что глагольному подлежащно-сказуемому предложению предшествовало именное. Чтобы было ясно, в чем тут дело, обратимся хотя бы к финно-угорскому материалу. Что финноугорский глагол имеет именное происхождение, это доказал еще пятьдесят с лишним лет тому назад финляндский ученый Е. N. Setälä. Разработка вопроса с помощью новых материалов, новой методики и новой методологии выпала на нашу долю. За справками направляем к нашим работам: «К вопросу о происхождении спряжения» (Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1946), «К вопросу о стадильности в развитии глагольного предложения» (там же) и особенно «О стадиях развития глагольного предложения» (выйдет в «Уч. зап. К-Ф ГУ», II). Здесь мы обрисовем ход развития финноугорского глагола в самых общих линиях.

1) Предложения со значением вроде «Медведь (этот) — улов, пойманный» претворились в предложения со значением вроде «Медведь (этот) — поймался», предложения со значением вроде «Старик (этот) — медведя ловец, ловящий» претворились в предложения со значением вроде «Старик (этот) — медведя ловит», предложения со значением вроде «Медведя лов!» претворились в предложения со значением вроде «Медведя поймай». Появилось на сцене глагольное предложение. В процесс размежевания разных пластов глагольных форм по категориям времени и наклонения, в процесс борьбы между разными строями глагольного предложения не входим. О том, откуда взялись времена и наклонения, что вызвало борьбу между разными строями глагольного предложения, можно судить и по приведенным примерам.

2) Некоторые полновесные глаголы, выступавшие в сопутствии пояснительных слов, поблекли в своей семантике и утратили свой вес, передав его пояснительному слову. Так, предложения со значением вроде «Отец (мой) — жил бедный» превратились в предложения со значением вроде «Отец (мой) — был бедный». Появилось на сцене предложение с вспомогательным глаголом.

3) Перед лицом предложений со значением вроде «Отец (мой) — был бедный» старые именные предложения со значением вроде «Отец (мой) — бедный» были осмыслены как употребляющиеся по линии настоящего времени изъявительного наклонения, т. е. внутренне оглаголились. Всякое подлежащно-сказуемое предложение оказалось если не формально, то по существу глагольным. Установился современный порядок вещей.

В дальнейшем нам подлежит держаться именных подлежащно-сказуемых предложений. Только от них мы можем рассчитывать подойти к разрешению проблемы возникновения подлежащно-сказуемого предложения.

3

Формально-именные подлежащно-сказуемые предложения весьма разнообразны. Одни из них вполне позволительно прямо возводить к древним по существу именным. Другие — нельзя.

К древним по существу именным подлежащно-сказуемым предложениям вполне позволительно прямо возводить такие формально-именные, как *Девушка (эта) — красавица, красивая*.

Осторожность требуется в таких случаях, как *Наша хижина — на холме*. Правда, *на холме* чаще всего выступает в зависимости от гла-

гола, и похоже на то, что *Наша хижина—на холме* отражает воздействие таких предложений, как *Наша хижина — стоит на холме*. Но все-таки *на холме* может выступать и вне всякой зависимости от глагола. Имеем в виду такие случаи, как *Наша хижина на холме — создание наших рук*.

Никак нельзя прямо возводить к древним по существу именным подлежащно-сказуемым предложениям такие формально-именные, как *Эта книга — тебе*. *Тебе* выступает нормально в зависимости от глагола, и совершенно несомненно, что *Эта книга — тебе* отражает воздействие таких предложений, как *Эта книга — предназначается тебе, Эта книга будет дана тебе*.

Если рассмотреть формально-именные подлежащно-сказуемые предложения, которые вполне позволительно или хотя бы не совсем непозволительно прямо возводить к древним по существу именным, то бросается в глаза, что все эти предложения — определительного типа, т. е. предложения, соотносительные с определительными словосочетаниями сходного словосостава. Так, *Девушка (эта) — красавица, красивая* соотносительно с *красавица-девушка, красивая девушка*, а *Наша хижина — на холме* соотносительно с *хижина на холме* (в этом русском словосочетании определение оказывается после определяемого, но во многих других языках оно помещается перед определяемым).

Есть кажущиеся исключения. Понятие о них могут дать хотя бы мордовские (фольклорные, обиходно-сельские) предложения вроде *Тейтересь — Кеченьбуе* «Девушка (эта) — с. Кечушево». Для понимания таких предложений чрезвычайно важно принять в расчет две вещи: во-первых, *Кеченьбуе* согласуется с *тейтересь*: *Тейтересь — Кеченьбуе* (3 л. ед. ч.), *Тейтерьтне — Кеченьбуеть* (3 л. мн. ч.) и рядом *Мон — Кеченьбуян* (1 л. ед. ч.), *Тон — Кеченьбуят* (2 л. ед. ч.), *Минь — Кеченьбуетяно* (1 л. мн. ч.), *Тынь — Кеченьбуетядо* (2 л. мн. ч.); во-вторых, *Кеченьбуе* так же «странно», как в позиции сказуемого, может употребляться и в других позициях. Не находя в своих материалах примеров только с *Кеченьбуе*, приведем примеры и с другими названиями сел. Пример с подлежащим: *Эрсекишность кедьсэнзэ и Кеченьбуеть, и Конаклекат, и Пилезелеть* «Жили (или: бывали) у него и с. Кечушевы, и с. Коноклейки, и с. Пилесевы» (Мат. эксп. Бубр., V, 54). Пример с дополнением: *Полазо думси Кудадейкс, вастазо думси Андадейкс* «Половина-ее (муж) думает с. Кудадеем (статья), супруг-ее думает с. Андадеем (статья)» (Мат. эксп. Бубр., VI, 15). Ясно: то, что как будто значит «с. Кечушево», используется в значении «кечушевка, кечушевец» и т. п. Перед нами метафорическое название рода-племени или местности вместо представителя рода-племени или обитателя местности. Быть может, это наследие когда-то существовавшей диффузности названий. Но это сейчас не существенно. Факт тот, что за видимостью предложений со значением вроде «Девушка (эта) — с. Кечушево» скрывается действительность предложений со значением вроде «Девушка (эта) — кечушевка». А это предложения определительного, не какого-либо иного типа. Можно добавить, что, кроме метафорического названия рода-племени или местности вместо представителя рода-племени или обитателя местности, есть и другие случаи метафорического названия, например метафорическое название материала вместо вещи. Но все это явления того же порядка.

Для дальнейшего нам весьма существенно ни на миг не упускать из виду, что те именные подлежащно-сказуемые предложения, которых мы будем держаться, — это предложения определительного

типа. Мы, если можно так выразиться, у пола (в противоположность потолку) истории развития подлежащно-сказуемого предложения.

4

Теперь нам приходится переключиться на другой предмет, с тем, чтобы подойти к проблеме, которая нас интересует, с другой стороны.

В нашей речи некоторую роль играют и предложения, весьма условно называемые «назывными».

Во многих случаях такие предложения на проверку оказываются предложениями уже известного нам качества. Возьмем такой пример: *Вечер. Сверкают звезды*. Если сопоставить этот пример с *Вечер был, Сверкали звезды*, то ясно, что *Вечер* выступает под знаком настоящего времени изъявительного наклонения и является далеко не просто назывным предложением. *Вечер* и *Вечер был* соотносятся совершенно так же, как *Холодно* и *Холодно было*, *Смеркается* и *Смеркалось*. *Вечер* это формально-именное, а по существу глагольное безличное предложение. Так бывает всегда, когда дело касается областей, где вообще употребляются безличные предложения (состояний природы, состояний организма и т. д.).

Когда дело касается областей, где безличные предложения вообще не употребляются, картина получается несколько иная. Возьмем такой пример: *Он. Она. Ночь. Луна*. Если *Ночь* и *Луна* (речь идет о лунном освещении) и можно повернуть на *Ночь была* и *Луна была*, то *Он* и *Она* повернуть на *Он был* и *Она была* (с сохранением вспомогательного характера *был* и *была*) нельзя. *Он* и *Она* как будто не обнаруживают признаков формально-именного, а по существу глагольного безличного предложения. Они как будто настоящие назывные предложения. И все же тот факт, что в потоке речи они воспринимаются как однородные с *Ночь* и *Луна*, говорит, что они как-то затронуты движением в направлении превращения в формально-именные, а по существу глагольные безличные предложения.

Настоящих назывных предложений у нас приходится искать только в области сигнальной речи, одетой в одежды собственно-речи. О сигнальной речи см. нашу тезисную статью «Происхождение мышления и речи» (Научн. бюлл. Ленингр. Гос. орд. Ленина унив., 1946, № 7) и более полную нашу статью с тем же заглавием (выйдет в «Уч. зап. Ленингр. Гос. орд. Ленина унив.», в востоковедном сборнике юбилейной серии). Сигнальная речь еще не называет и даже не изображает вещей, а только их «отмечает» по ходу переживаемой действительной ситуации. Она противостоит не только собственно-речи, но и изобразительной речи, которая способна повествовать. Ее существо не терпит ущерба, если «отметы» оказываются одеты в одежды называний — потому ли, что «отметы» усваивают внешность называний, или потому, что называния усваивают существо «отмет», безразлично. Приведем некоторые примеры в именной форме. При сильном движении в эмоциональной сфере перед нами случаи вроде *Пожар! Медведь!* Без сильного или без всякого заметного движения в эмоциональной сфере (это движение вовсе не обязательно) перед нами случаи вроде *Ошибка* (спокойная констатация при наблюдении шахматной игры), *Олень* (спокойная констатация при обозрении зоологического сада). Свообразны объяснительные случаи вроде иначе поставленного *Олень* (объяснение при обозрении зоологического сада), *Мария Ивановна Иванова* (представление незнакомой

особы). Сюда же случаи вроде *Мина* (надпись в опасном месте), *Ресторан «Золотой Ключик»* (вывеска), *Война и мир* (заглавие романа).

Если не считать сигнальных случаев, которые стоят совсем особо, так называемые «назывные предложения» требуют, оказывается, самой напряженной осторожности.

Но так дело обстоит только по отношению к эпохам, когда в речь вошел глагол. Это глагол оказался «роком» назывных предложений, как он оказался «роком» и именных подлежащно-сказуемых предложений. До развития глагола самые настоящие назывные предложения составляли сильную, четко очерченную категорию предложений, как сильную, четко очерченную категорию предложений составляли и именные подлежащно-сказуемые предложения. Назывные предложения представляли предшествующую стадию развития, а именные подлежащно-сказуемые — последующую (что не мешало тем и другим сосуществовать).

В дальнейшем нам надлежит держаться незатронутых глагольностью назывных предложений. Только они могут нам пригодиться при разрешении проблемы возникновения подлежащно-сказуемого предложения.

5

Надо всячески подчеркнуть, что те назывные предложения, которые могут нам пригодиться при разрешении проблемы возникновения подлежащно-сказуемого предложения, никак не могут рассматриваться как какое-то начало речи. Назывные предложения имели длинную историю и в конце-концов оказались явлением в пределах своих возможностей весьма развитым.

Архаическое словосоположение, т. е. простое нанизывание слов-названий затрагиваемых вещей без всякой определенной грамматической организации, могло быть преодолено и до появления именованного подлежащно-сказуемого предложения. В рамках назывного предложения вполне могло развиться словоподчинение (противостоящее словосочинению) — казалось бы, совсем простая, но в действительности очень «хитрая» вещь. Первыми средствами показа словоподчинения были последовательность слов и интонация. Даже с помощью этих средств назывное предложение могло приобретать весьма развернутый вид. Но этими средствами дело вовсе не должно было ограничиваться. Из всех возможных случаев словоподчинения не мог не играть особенной роли один — определительное словоподчинение.

Для дальнейшего нам весьма существенно ни на миг не упускать из виду, что те назывные предложения, которых мы будем держаться, — это развитые назывные предложения, во всяком случае назывные предложения, знакомые с определительной связью слов. Мы у потолка (в противоположность полу) истории развития назывного предложения (в до-подлежащно-сказуемый период).

6

Итак, мы знакомы с тем, что было у потолка развития назывного предложения (в до-подлежащно-сказуемый период), и с тем, что было у пола развития подлежащно-сказуемого предложения. В качестве примеров можно взять, с одной стороны, назывное предложение со значением «Красавица-девушка, красивая девушка», а с дру-

гой стороны, подлежащно-сказуемое предложение со значением «Девушка (эта) — красавица, девушка (эта) — красивая». Удобнее всего взять эти предложения по-мордовски: с одной стороны, *Мазый тейтерь*, а с другой стороны, *Тейтересь—мазый (-сь—'эта')*. По-мордовски эти предложения удобнее всего взять, во-первых, потому, что в мордовской речи дело обстоит в некоторых отношениях проще, чем в русской, а во-вторых—потому, что в мордовской речи легко обнаруживаются некоторые интересные моменты, которые в русской речи «спрятаны». Разумеется, их надо брать в отвлечении от всякой глагольности.

Нам подлежит посмотреть, как это на базе *Мазый тейтерь* возникло *Тейтересь — мазый*. Скачок громадный. Совершенно изменилось существо соотношения слов, хотя определительное отношение не исчезло. При этом совершилась какая-то «перестановка» слов.

Тщетно было бы пытаться построить объяснение совершившегося скачка, опираясь на «логическую» необходимость. Об этой «логической» необходимости мы еще поговорим, а пока заметим, что «логическая» необходимость, как она ни слепит глаза, совершенно бессильна осветить, как, на каких конкретно-речевых основаниях, какими конкретно-речевыми путями возникло *Тейтересь — мазый*. Надо войти в речь.

Первая мысль, которая является при размышлениях о возникновении подлежащно-сказуемого предложения, сводится к тому, что произошло, в обстановке каких-нибудь переосмыслений и связанных с ними передвижек, разделение развитого назывного предложения на две части, два концентрира. Можно без конца вариировать объяснения в этом направлении, но успеха не оказывается. Объяснения получаются сложные, натянутые, *ad hoc*. И притом они неизменно упираются все в ту же «логическую» необходимость.

Нет, надо опереться на другую мысль. Она сводится к тому, что, без всяких переосмыслений и без всяких передвижек, произошло соединение двух назывных предложений, относившихся к одному и тому же предмету, в одно. Объяснение получается самое простое и во всех отношениях удовлетворяющее. «Логическая» необходимость отпадает. Оказывается, дело не в «логической» необходимости, а в том, что самая, так сказать, естественная и возникавшая подчас, конечно, и раньше последовательность двух назывных предложений в один прекрасный момент была отобрана «логикой», закреплена и использована в весьма широкой сфере, а дальше эта последовательность развилась в соединение.

В сущности говоря, и сейчас можно сказать так: *Тейтересь...* (выжидательная, почти вопросительная интонация, потом пауза) *Мазый тейтерь* (завершительная интонация и в ее составе завершительное усиление голоса) «Девушка (эта)... Красавица — девушка, красивая девушка». Сейчас это что-то вроде последовательности двух назывных предложений, относящихся к одному и тому же предмету. А когда-то это была совсем такая последовательность. Немного меньше выжидания или вопроса, немного больше связи — и перед нами уже *Тейтересь — мазый тейтерь* «Девушка (эта) — красавица-девушка, красивая девушка». Так как при повторении (хотя бы в разных предложениях) слово может опускаться, то все это может быть и покороче. Сначала: *Тейтересь... Мазый* «Девушка (эта)... Красавица, красивая». Потом: *Тейтересь — мазый* «Девушка (эта) — красавица, красивая».

7

Совсем нетрудно заметить, что таким образом добывается объяснение возникновения не только двухконцентровости подлежащно-сказуемого предложения, но и всех его характерных особенностей, начиная с внешности (последовательности концентров, интонации, грамматического оборудования) и кончая внутренним существом.

Если остановиться на грамматическом оборудовании, то в сферу объяснения входит гораздо больше, чем это может показаться на первый взгляд. Возьмем два явления.

1) В очень многих языках наблюдается согласование центра сказуемого с концентром подлежащего в грамматическом числе, роде или классе и т. п. Явление это тем более бросается в глаза, что в этих языках далеко не всегда представлено согласование определения с определяемым. Так дело обстоит, между прочим, в финноугорских языках (кроме синтаксически индоевропеизованных прибалтийско-финских). Здесь согласование центра сказуемого с концентром подлежащего в числе есть, а согласования определения с определяемым в числе нет. В чем тут дело? Проведем наблюдения хотя бы на мордовском материале. Сначала: *Тейтересь... Мазый тейтерь* «Девушка (эта)... Красавица-девушка, красивая девушка» и рядом *Тейтерьтне... Мазый тейтерьт* «Девушки (эти)... Красавицы-девушки, красивые девушки». Тут все понятно. Того, что называется «согласованием в числе», тут еще нет, ибо тут еще разные предложения, но согласование подготовлено. Потом: *Тейтересь — мазый тейтерь* «Девушка (эта) — красавица-девушка, красивая девушка» и рядом *Тейтерьтне — мазый тейтерьт* «Девушки (эти) — красавицы-девушки, красивые девушки». И тут все понятно. Согласование уже есть. Оно охватывает отношения между концентром сказуемого и концентром подлежащего, но вовсе не охватывает отношений между определением (*мазий*) и определяемым (*тейтерь, тейтерьт*). Так при повторении (хотя бы в разных предложениях) слово может опускаться, причем морфологическое оборудование опущенного определяемого сообщается определению, то все это может быть и покороче. Сначала: *Тейтересь... Мазый* и рядом *Тейтерьтне... Мазыйт*. Потом: *Тейтересь — мазый* и рядом *Тейтерьтне — мазыйт*.

2) В очень многих языках наблюдается согласование центра сказуемого с концентром подлежащего-личным местоимением в грамматическом лице. Если концентр подлежащего-личное местоимение опускается (а это в обстановке стирания противостояния концентров — вполне понятная вещь), то согласование как таковое, конечно, снимается. Если принять в расчет, что показатели лица в концентре сказуемого восходят к самостоятельным личным местоимениям, то оказывается совсем удивительное явление. С одной стороны, оказывается «Девушка (эта) — красавица, красивая», «Девушки (эти) — красавицы, красивые» с «девушка (эта)», «девушки (эти)» на первом месте, а с другой стороны, оказываются «Красавица-я, красивая-я», «Красавиц-ты, красивая ты», «Красавицы-мы, красивые мы», «Красавицы-вы, красивые вы» с «я», «ты», «мы», «вы» на последнем месте. Так это обстоит, например, в мордовской речи, где (уже с превращением некогда самостоятельных личных местоимений в личные показатели) мы находим, с одной стороны, *Тейтересь — мазый, Тейтерьтне — мазыйт*, а с другой стороны — *Мазыян, Мазыят, Мазыйтяно, Мазыйтядо*.

В чем тут дело? А вот в чем. Возьмем предложения без всяких опущений. Перед нами не только «Девушка (эта) — красавица, красивая», «Девушки (эти) — красавицы, красивые», но и «Девушка (эта) —

красавица-девушка, красивая девушка», «Девушки (эти) — красавицы-девушки, красивые девушки». Перед нами также не только «Красавица-я, красивая я» и т. д., но и «Я — красавица-я, красивая я» и т. д. Все это имеет отражение и по-мордовски. Перед нами не только *Тейтересь—мазый*, *Тейтерьтне—мазыйтъ*, но и *Тейтересь—мазый тейтерь*, *Тейтерьтне—мазый тейтерьтъ*. Перед нами также не только *Мазыян* и т. д., но и *Мон — мазыян* и т. д. Между построениями «Девушка (эта) — красавица-девушка, красивая девушка», «Девушки (эти) — красавицы-девушки, красивые девушки» и построениями «Я — красавица-я, красивая я» и т. д. нет никакого различия. Построение последних явно произведено по образу и подобию первых. Таким образом в основе вещей никаких противоречий не оказывается. Если с течением времени и определилось противоречие, то тому была совершенно определенная причина. В «Девушка (эта) — красавица-девушка, красивая девушка», «Девушки (эти) — красавицы-девушки, красивые девушки» повторные «девушка», «девушки» опускались без всяких препятствий. Но в «Я — красавица-я, красивая я» и т. д., если повторные «я» и т. д. вступили на путь слияния с предшествующим словом и превращения в личный показатель, эти «я» и т. д. уже не могли опускаться. Тогда, при условии стирания противостояния концентров подлежащего и сказуемого, могли опуститься подлежащие «я» и т. д. ¹

8

Все сказанное требует существенных оговорок.

1) Когда возникло подлежащно-сказуемое предложение, главное было в возникновении модели такого предложения. Под эту модель могли подтягиваться и случаи, не прошедшие соответствующей истории. В нашем материале мы таких случаев не находим. Но мы охотно допускаем, что они найдутся за пределами нашего материала. Если они найдутся, они не будут свидетельствовать против нашей точки зрения.

2) Когда возникло подлежащно-сказуемое предложение, оно имело именной характер. В процессе развития глагола, связанном с борьбой строев глагольного предложения и с многообразными морфологическими и синтаксическими сдвигами, положение вещей, существовавшее первоначально, могло испытывать всякие aberrации. В нашем материале таких случаев — без конца. Сошлемся на наши работы по финноугорскому глаголу, названные в разделе 2. Такие слу-

¹ Мордовские *мазыян* (=мазыян), *мазыят* (=мазыят), *мазыятяно* (=мазыйт'ано), *мазыйт'адо* (=мазыйт'адо) требуют некоторых специальных комментариев, поскольку дело касается *a*, предшествующего *n*, *t*, *no*, *do*. Не входя в обсуждение вопроса о происхождении мордовского *a* в не-первых слогах слова (об этом см.: P. Ravila, *Über eine doppelte Vertretung des urfinnischwolgaischen a der nichersten Silbe*, *Finnischugrische Forschungen*, XX, и последующую нашу статью «Из истории мордовского вокализма» в «Советском языкознании», III), отметим, что мордовское *a* в не-первых слогах слова, как бы оно ни возникало, могло, в порядке обобщения, поступать на службу показа тех или иных морфологических категорий. Так, широко используется противопоставление именных основ на *o* и глагольных на *a*: *калма* 'могила' — *калма-мо* 'погребать', *сюлма* 'узел' — *сюлма-мо* 'завязывать узлом, в узел' и т. п. Широко используется также противопоставление имен действия на *мо*, *ме* с одними оттенками значения или в одних случаях и на *ма* с другими оттенками значения или в других случаях, при сохранении все-таки явлений, объясняемых чисто фонетическими обстоятельствами. *a* в сказуемом изменении следует понимать именно в этом плане: оно обобщилось на определенной морфологической службе.

чаи, пока они не прослежены достаточно глубоко, могут создавать впечатление, что подлежащно-сказуемое предложение могло возникать и какими-то иными путями, чем нами указанный. Но впечатление это оказывается ложным. Вообще необходимо держаться следующей установки: никогда не строить суждений о возникновении подлежащно-сказуемого предложения на основании глагольных предложений, сложившихся относительно поздно. Эти суждения надо строить только на основании именных предложений.

9

В заключение — несколько слов о «логической» стороне вещей. Предшествующее изложение могло внушить подозрение, что мы относимся несколько пренебрежительно к «логике». Это — не так. На протяжении всего изложения мы ни на миг не упускали «логику» из поля зрения. Но только для нас нет вечных устоев «логики», нет самодовлеющих «логических» необходимостей. «Логика» для нас исторична.

Совершенно бесспорно: во всякой законченной мысли налицо соотношение тех или иных мыслимых явлений с теми или иными объективно существующими явлениями или с объективно существующей широкой «стихийей» (если угодно — с объективно существующим миром в целом). Иными словами, во всякой законченной мысли налицо объектация. Это можно *mutatis mutandis* повторить о речи. Совершенно бесспорно: во всяком законченном высказывании, во всяком предложении налицо выражение объектации. Иными словами, во всяком законченном высказывании, во всяком предложении налицо предикация.

Но... Можно ли на основании указанного судить о понятийном наполнении законченной мысли? Нет, нельзя. Понятия — это особые познавательные величины, которые пошли в ход только с некоторых пор и только постепенно завоевывали позиции в законченной мысли. В законченной мысли всегда неизбежно есть и нечто кроме понятий. Сама объектация никак не есть прибавление некоего особого понятия: с одной стороны, сколько бы самых особых понятий мы ни прибавляли к другим понятиям («девушка» — «существующая девушка» — «объективно существующая девушка» и т. д. и т. п.), объектация не получается; а с другой стороны, объектация получается без прибавления какого бы то ни было понятия («Светает»). Понятийное пополнение законченной мысли — очень и очень специфичная область явлений, область явлений, развивающихся со ступени на ступень. Оно насквозь исторично. Что правильно по отношению к законченной мысли, то надо *mutatis mutandis* признать и по отношению к законченному высказыванию, предложению. Словесное наполнение предложения — тоже очень и очень специфичная область явлений, область явлений, развивающихся со ступени на ступень. Оно тоже насквозь исторично.

Не приходится удивляться, что когда-то понятийное наполнение законченной мысли и словесное наполнение предложения были особые. Когда-то мыслили «Восходо-солнце» или «Солнце-восход» — в охвате акта объектации. Тогда и говорили «Восходо-солнце» или «Солнце-восход» — в охвате акта предикации (соответствующая интонация). Это было вполне разумно. Но это в то же время представляло определенную ступень развития мышления и речи.

Не приходится удивляться и тому, что с некоторых пор понятийное наполнение законченной мысли и словесное наполнение предложения стали иными. Возникло соединение двух законченных мыслей, относи-

вшихся к одному и тому же предмету, в одну и соединение двух предложений, относившихся к одному и тому же предмету, в одно. Стали уже мыслить «Солнце—взошло», выделяя в объективно существующей «стихии» отдельный объективно существующий предмет. Вместе с тем стали говорить «Солнце — взошло» (глагольную форму мы взяли условно: можно взять и именную). Это была новая ступень развития мышления и речи.

Во всем этом не видно никакого давления самодовлеющей «логической» необходимости. Если пораздумать над тем, что такое давление самодовлеющей «логической» необходимости, то оказывается, что это... давление нашей «логики» на «логику» первобытного человека. Какая анахроническая нелепость!

Вообще лучше не говорить ни о каких давлениях. Надо говорить о зависимостях. А зависимости эти лежат не в плане философской рефлексии, а в плане требований жизни, общественно-хозяйственного бытия человека. Очевидно, до поры до времени практически допустимо мыслить и говорить по-одному, но с некоторых пор практически необходимо мыслить и говорить уже по-другому. Мы не должны торопиться с выяснением соответствующих зависимостей. Но мы не должны забывать, что они есть.

ВЕСТНИК

ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

№ 5

МАЙ 1947

Редакционная коллегия: акад. Л. С. Берг, проф. Л. Л. Васильев, з. д. н. проф. А. В. Венедиктов, проф. Л. Э. Гуревич, чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Догель, чл.-корр. АН СССР проф. В. М. Жирмунский, проф. С. В. Калесник, акад. И. Ю. Крачковский, проф. С. С. Кузнецов, проф. А. И. Молок, акад. В. И. Смирнов, проф. Б. А. Чагин (зам. отв. редактора), проф. В. В. Шаронов, проф. С. А. Шукарев

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД
1947

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Статьи	Стр.	Articles	Page
Проф. С. А. Шукарев. Учение об определенных и неопределенных соединениях в трудах русских ученых	5	Prof. S. A. Schukarev. The Definite and Indefinite Chemical Solution. Theory in the Works of Russian Scientists	5
Д-р геол.-минерал. наук И. А. Коробков. Анализ фауны моллюсков нефтеносной майкопской свиты	26	J. A. Korobkov, D. S. An Analysis of Mollusc Fauna of the Oilbearing Maikop Series	26
Проф. А. А. Корчагин. Объем и содержание ботанической географии	52	Prof. A. A. Korchagin. Scope and Contents of Botanical Geography	52
Акад. Л. С. Берг. Климаты в древнейшие эпохи истории Земли	61	L. S. Berg, M. Ac. Sc. of the USSR. Climates in the Earliest Epochs of the History of Earth	61
Доц. Е. И. Носов. Конституция современной Франции	67	Doc. E. J. Nossov. The French Constitution of To-day	67
Чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубрих. О возникновении подлежащно-сказуемого предложения	77	D. V. Bubrich, Corr. M. of Ac. Sc. of the USSR. On the Origin of the Subject-Predicate Sentence	77
Проф. Л. А. Плоткин. Русская революционно-демократическая критика в борьбе с „чистым искусством“	88	Prof. L. A. Plotkin. Russian Revolutionary Democratic Criticism in its Struggle against „Pure Art“	88
Авторефераты		Authors' Summaries	
Ф. А. Шибанов. „Большой чертеж“, или первая оригинальная русская карта Московского государства. (Кандидатская диссертация)	99	F. A. Shibanov. The „Great Draught“ or the First Original Russian Map of the Moscow State. (Candidate Thesis)	99
Т. Г. Абрамова. Растительный покров как показатель свойств торфяной залежи. (Кандидатская диссертация)	103	T. G. Abramova. Vegetative Cover as Indicator of the Properties Peculiar the Top Layers of a Peat Deposit. (Candidate Thesis)	103
Из истории Ленинградского университета		From the History of the Leningrad University	
Чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. Академик Павел Константинович Коковцов и его школа	106	H. V. Pigulevskaja, Corr. M. of Ac. Sc. of the USSR. Pavel Konstantinovich Kokovtsov M. Ac. Sc. of the USSR and his School	106
Обзоры и рецензии		Reviews	
Доц. А. И. Яунпутний. Г. Д. Рихтер. Север Европейской части СССР. Физико-географическая характеристика	119	Doc. A. I. Jaunputnin. G. D. Richter. The North of the European Part of the USSR. Physico-Geographical Study	119
Проф. П. Н. Берков. Н. К. Пиксанов. Горький и национальные литературы	121	Prof. P. H. Berkov. N. K. Piksano v. Gorky and the Problem of National Literature	121

Хроника

Current News

	Стр.		Page
Проф. Б. Г. Ананьев. Об итогах II студенческой научной конференции в Ленинградском университете . .	124	Prof. B. G. Ananiev. On the Issues of the Second Student Scientific Confe- rence at the Leningrad University . .	124
Г. М. На Биологическом факультете .	126	G. M. At the Biological Faculty	126
